

УДК: 82-14 (477)

ПЕЙЗАЖНЫЙ ДИСКУРС РУССКОЙ ЛИРИКИ КОНЦА 1960-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГОДОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Остапенко Ирина Владимировна,

*д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: i_ostapenko@mail.ru*

Статья посвящена исследованию пейзажного дискурса как экспликации картины мира автора в русской лирике конца 1960-х – середины 1980-х гг. Проанализировано творчество А. Тарковского, Б. Чичибабина, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, А. Кушнера, Б. Ахмадулиной, В. Сосноры, Е. Шварц как репрезентативных фигур неотрадиционалистского и неоавангардистского векторов развития русской поэзии второй половины XX века.

Ключевые слова: *лирика, пейзажный дискурс, картина мира, субъектная организация, пространственно-временной континуум, образная сфера, лирический сюжет, принцип неосинкретизма.*

Русская лирика эпохи «застоя» представляется оригинальным художественным явлением, которое нуждается в углубленном осмыслении, поскольку в ее недрах формируются основные векторы развития «постсоветской» поэзии [1; 3; 5; 9; 17]. Поэзия «семидесятых» стала переломным явлением в художественном процессе эпохи, вернув литературе ее онтологический и эстетичный статус. Обзор литературно-критических исследований, посвященных данному феномену, свидетельствует о наличии определенных лакун в его литературоведческой трактовке. Объясняются они, прежде всего, дифференциацией поэзии «застоя» на «официальную» и «неподцензурную», а также недостатком исследовательского инструментария, вызванного идеологическими ограничениями времени [8; 12; 17; 19; 20]. Однако и советское, и постсоветское литературоведение акцентирует в лирике «семидесятников» философское начало, медитативную направленность, эстетические интенции, что обуславливает в ней и актуализацию пейзажа. В исследованиях советских времен имеет место последовательное соблюдение «генерационного» принципа в классификации литературных явлений в сочетании с монографическим «портретированием», в современных разработках преобладает типологизирующий подход [6; 7; 10].

Общей направленностью всех работ, посвященных исследованию поэзии второй половины XX века, стала тенденция к типологизации

© И. В. Остапенко, 2015

явления, к выявлению закономерностей его развития и особенностей функционирования. В результате зачастую один и тот же поэтический материал становился доказательством разных гипотез и предположений. Не подвергая сомнению предыдущие разработки, направленные на достижение заданных целей, предлагаем противоположный путь: рассмотрим индивидуальные художественные миры поэтов 1960–1980-х гг. в их системном единстве и эволюционном развитии, основываясь на категории картины мира, эксплицированной, в рамках нашего исследования, в пейзажном дискурсе как наиболее универсальном, дискурсивном воплощении поэзии данного периода.

Обозначим векторы теоретического осмысления и методологического обоснования аналитической работы с поэтическим материалом. Поскольку текст литературно-художественного произведения инспирирован и организован автором, обратимся к категории автора как создателя художественного мира. Для данного исследования актуальны категории биографического автора и автора-творца художественного произведения [2]. В исследовании дифференцированы авторское сознание как сознание индивидуализированной личности и художественное авторское сознание соответственно как исходное и производное. Под термином «автор» понимается «авторское личностное сознание», в котором коррелируют эмпирическое и творческое начала человеческой личности, а художественное сознание такого «автора» в работе названо «авторским сознанием».

Авторское сознание представлено всей целостностью художественного произведения, каждый из его аспектов является одной из форм авторского сознания. В лирике ведущей и организующей формой авторского сознания является лирический субъект в силу сохранившихся между ним и автором субъектных отношений. В своем парадигматическом и синтагматическом единстве лирический субъект объемлет всю субъектную организацию текста. Исследование субстанциальной природы лирического субъекта открывает перспективы системного осмысления картины мира его создателя.

Субъектный синкретизм лирики, ставший ее родовым качеством, определяет и особые отношения между автором и геройным планом в текстах, где геройный план представлен атрибутами природного мира. Традиционно такие тексты принято называть пейзажной лирикой. Пейзаж как микромир в макромире текста выбран предметом исследования в силу субстанциальной близости с человеком-субъектом Нового времени. Это «родство» берет начало в общих истоках древнего человека и природы, когда их отношения выстраивались по принципу тождественности человеческого и природного миров. В эпоху модальности между человеком-субъектом и природой-пейзажем устанавливаются отношения по принципу синкретизма как «нераздельности / неслиянности». Поэтому для выявления индивидуально-авторских стратегий

в художественном мире пейзаж становится наиболее презентативным. Кроме того, он является наименее тенденциозным пластом творческого наследия автора и в то же время актуализирует философскую и эстетическую его направленность.

Поскольку термин пейзаж преимущественно употреблялся для обозначения «общего вида» пространства, местности и т. д., и не покрывает всех существующих возможностей присутствия природного мира в литературном произведении, в работе предложен термин «пейзажный дискурс» как коммуникативное событие, воссоздающее диалог человека и природы в художественном тексте. В понятие пейзажа как дискурса введены номинации природных реалий – координат лирического субъекта в художественном мире; природные маркеры, которые входят в состав образа или сами становятся образом; отношения лирического субъекта с миром природы, выстроенные в лирический сюжет, представляющий собой когнитивный процесс.

Во всех этих фрагментах пейзажного дискурса эксплицирована картина мира [18] автора художественного текста. Как литературоведческая категория картина мира автора является «представлением» мира (в данном случае, природы) в художественном мире произведения человеком-субъектом (авторским сознанием). Картина мира автора имеет параметры, свойственные миру как Универсуму – субъектный (наличие человека), хронологичный (пространственно-временное измерение), образный (формы существования), сюжетный (причинно-следственные отношения). Эксплицирована картина мира по преимуществу в пейзажном дискурсе. Изучение пейзажного дискурса на заявленных уровнях текста даст возможность реконструировать картину мира автора-творца.

Понятие «картины мира» как литературоведческой категории актуализировано в концептуальном и функциональном аспектах. Концептуальный смысл состоит в представлении мира человеком-субъектом Нового времени [2], а функциональное значение данного понятия для литературоведения заключается в том, что категория «картина мира» используется в качестве основного методологического «инструмента» в процессе анализа пейзажного дискурса в лирике. Как литературоведческая категория «картина мира» имеет следующие параметры: субъектная сфера, пространственно-временной континуум, образная организация, сюжет, – которые на уровне художественного текста презентуют различные формы авторского сознания.

Субъектный уровень представляет «лирический субъект». Многообразие рассмотренных субъектных референтов потребовало их системной классификации. В работе представлена дифференциация лирического субъекта относительно разных уровней художественной системы автора. На внутритекстовом уровне предлагаем выделение лирических субъектов: «я», «другой», «я-другой». Все участники субъектной орга-

низации находятся в паритетных отношениях и в каждой новой лирической ситуации могут наполняться новыми смыслами. Их парадигматические и синтагматические отношения обуславливают характер лирического субъекта всего художественного текста. На метатекстовом уровне авторское сознание представляет лирический субъект в облике лирического героя, образа автора или неосинкретического лирического субъекта.

Под лирическим героем мы понимаем такой тип лирического субъекта, который предстает как психологически завершенный, целостный образ-личность, содержащий в себе единство индивидуальной авторской личности и общей судьбы поколения, страны, эпохи. Образ автора очерчивается на метатекстовом уровне художественного наследия поэта при наличии внешнего или внутреннего схождения с биографическим автором, указания на профессиональную деятельность, учительский или пророческий тон высказываний. «Неосинкретический лирический субъект» репрезентирует личность, не отличающуюся целостностью, и в то же время стремящуюся к ней, утратившую ориентиры, и при этом страстно ищущую их, разуверившуюся в старых идеалах, но самим своим творческим актом формирующую новые, что свидетельствует о его главной особенности – способности вживания и выживания в условиях нового мира.

Пространство и время в художественном мире соответствует параметрам физического мира как основным атрибутам материи и онтологическим формам бытия. Значимость пространственно-временных категорий в реальном мире экстраполируется на мир художественный как «отраженную реальность». В пространственное измерение художественного мира попадают номинации ландшафтов, флоры и фауны, стран и местностей, стихий и атмосферных явлений. Во временное измерение – суточный и календарный цикл, корреляция физического и онтологического времени. В названии природных реалий актуализируется их и эмпирический смысл, и символический, и архетипно-мифологический. Для лирического мира в отношении пространственно-временных параметров важным является не столько их наличие, сколько сам выбор лирическим субъектом тех или иных природных реалий и введение их в текст. Элементы природного мира, попадая в преображенном виде в мир художественного произведения, выполняют различные функции. Они могут быть топографическими маркерами художественного пространства текста, деталями, формирующими художественный образ, могут приобретать символические значение или входить в состав тропа. При этом следует помнить, что в лирическом произведении они будут находиться в субъект-субъектных отношениях с другими субъектными формами, выстраивать субъектную сферу и образную структуру текста.

В концепции картины мира важным представляется, наряду с другими параметрами, способ «представления» мира человеком-субъектом, определение средств и способов формирования мира, сотворен-

ного авторским сознанием, представленным в художественном тексте, или образная сферы текста. Природа образности в эпоху модальности в лирике определяется одновременным функционированием в тексте разных художественных языков – «простого», риторического и условно-поэтического.

Связующим смыслообразующим звеном картины мира как системного и структурного феномена является лирический сюжет, который в работе трактуется как рефлексия лирического субъекта, формирующаяся из синкретизма сенсорно-эмпирического и ментального планов текста. Для лирического сюжета в исследовании актуален его событийный (Ю. М. Лотман), повествовательный (Л. Я. Гинзбург) и когнитивный (Л. Н. Синельникова) характер. Осмысление лирического сюжета как завершающего элемента картины мира позволяет выявить связь природных реалий с трансцендентным постижением непостижимого лирическим субъектом.

Таким образом, исследование пейзажного дискурса на субъектном, хромотопном, образном и сюжетном уровнях позволит выявить характер картины автора, поскольку пейзажный дискурс является ее экспликацией в художественном тексте.

В качестве материала исследования избраны пейзажные дискурсы лирики А. Тарковского, Б. Чичибабина, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, А. Кушнера, Б. Ахмадулиной, В. Сосноры, Е. Шварц как экспликация их картин мира. Неотрадиционалистская парадигма русской поэзии 1960–1980-х гг., в результате, получает следующие характеристики на субъектном, хромотопном, образном, сюжетном уровнях художественных миров, что, в свою очередь, презентует и соответствующие параметры картин мира их авторов.

Субъектной сфере лирики «семидесятников»-неотрадиционалистов принадлежат: «самосознающий» лирический субъект А. Тарковского; близкий, но не тождественный образу автора, лирический субъект Б. Чичибабина; совмещающие черты и лирического героя, и образа автора лирические субъекты Н. Рубцова и Ю. Кузнецова; неосинкретический лирический субъект А. Кушнера; лирическая героиня неосинкретического характера Б. Ахмадулиной. Вне зависимости от степени аутентичности лирического субъекта авторскому сознанию все субъектные формы отличаются неосинкретическим характером, обусловленным различными обстоятельствами и свойствами. Мировоззренческие приоритеты авторов эксплицированы «центроположенностью» лирического субъекта А. Тарковского и «срединностью» Б. Чичибабина в природном мире; эклектизмом естественно-природного и мифологически-архетипного начал у Н. Рубцова; направленностью от Рубцова; эволюцией от эмпирически-рефлексивного к мифопоэтическому и символическому восприятию и воспроизведению природы у Ю. Кузнецова; пограничным состоянием лирического субъекта А. Кушнера, пребы-

вающего на пересечении природного и культурного миров; возвращением лирической героини Б. Ахмадулиной в природный мир путем пересоздания его авторской творческой интенцией.

Природа в качестве конкретных пространственно-временных координат лирического субъекта попадает в художественный мир Б. Чичибабина; у А. Тарковского актуализируется преимущественно в пейзажах-воспоминаниях; у Н. Рубцова приобретает фольклорно-мифологические и архетипное измерение; у А. Кушнера проникает в художественный мир постепенно, через «культурного посредника»; у Ю. Кузнецова эмпирический мир постепенно онтологизируется; Б. Ахмадулина «выращивает» свой собственный природный мир в художественном тексте.

На образном уровне недостаток эмпирического опыта освоения природы у А. Тарковского восполнен включением нового элемента в пространственно-временной континуум текста – «слова», которое «одухотворило» «природный» мир и трансформировало его в мифопоэтический; Б. Чичибабин искусно эстетизирует художественный образ, декорируя его природными номинациями; в художественном образе Н. Рубцова уживаются архетипные и индивидуально-авторские мифопоэтические смыслы; у Ю. Кузнецова метафора сменяется символическим наполнением образа, созданного природной номинацией; А. Кушнер разрабатывает прием реверсивной оптики, что позволяет включить в одно коммуникативное поле природный и культурный миры; природная номинация в авторском сознании Б. Ахмадулиной редуцируется и в виде самостоятельного «образа-знака» формирует художественный мир поэта.

Сюжетный уровень пейзажного дискурса демонстрирует, как природный мир у А. Тарковского стал импульсом и стимулом к трансцендентным постижениям для «самосознающего» лирического субъекта; рефлексивное осмысление эмпирического природного мира у Б. Чичибабина постепенно перерастает в способ философского осмысления и духовного постижения; деструктивность и дискретность природного мира Н. Рубцова сформировали экзистенциальный тип мировосприятия поэта и обнажили трагизм бытия человека в современном ему мире; у Ю. Кузнецова, напротив, номинации природных реалий дают возможность автору выразить бытийные проблемы и найти способ их решения на онтологическом уровне; у А. Кушнера природа становится и собеседником лирического субъекта, и языком, на котором поэт говорит с миром, и критерием его оценки; Б. Ахмадулина, в поисках собеседника для своей лирической героини создает свой собственный мир из природных номинаций, но выстраивает его не по законам физики, а соответственно авторским стратегиям.

Неоавангардистская художественная парадигма представлена на субъектном уровне неосинкретическими лирическими субъектами – «протеистическим» В. Сосноры и визионерским, вбирающим в себя многообразие всех природных форм и преобразующим их лирическим субъектом Е. Шварц.

Пространственно-временной уровень презентован соединением частного и общего, детализации и глобализация у В. Сосноры, что позволяет непротиворечиво сосуществовать лирически-конкретному и эпически-космическому измерениям художественного мира поэта. Характерной особенностью темпорального измерения картины мира В. Сосноры является трансформация пространственного пейзажного образа во временной. У Е. Шварц на пространственном уровне функционирует принцип одухотворения и «развоплощения» природе, переводящий пейзаж в метафизическое измерение. Пейзаж Е. Шварц последовательно переводится из природного в сверхприродный, метафизический модус.

В образном строе пейзажного дискурса В. Сосноры основным элементом является метафора, формирующаяся в лирике поэта двумя способами: в виде «взаимоперетекания» культурного и природного планов бытия и межвидовых «метаморфоз» природного универсума. Принцип тотального «метаморфизма» является системообразующим и у Е. Шварц. Природные образы подвергаются последовательному «расподоблению» природе, претерпевая внутренние метаморфозы, переводящие их из природного в духовное измерение. Принцип расподобления природе реализуется во всех основных типах образных конструкций в поэзии Е. Шварц: в развернутой метафоре-консейте, в оксюмороне, в синестетических и гротескно-химерических образах.

Лирический сюжет, сформированный из номинаций природных реалий с активизированным мифологическим, аллегорическим или метафорическим смыслом, у В. Сосноры актуализирует аксиологическую семантику. Пейзажные образы в роли ценностных реалий побуждают лирического субъекта к нравственному выбору. Принцип единства мира, тотальной взаимосвязи всех начал и явлений, «перетекающих» друг в друга в процессе метаморфических превращений, эксплицирован лирическим сюжетом и является миромоделирующим в поэзии Е. Шварц.

Выявленные в исследовании особенности пейзажного дискурса, эксплицирующие картину мира каждого из поэтов, свидетельствуют об их несомненной оригинальности и неповторимости. Кроме того, в ходе исследования получен, в известной степени, неожиданный результат. На разных уровнях изучаемых явлений – лирики с ее индивидуальными поэтиками, пейзажного дискурса в его функциональном значении, картины мира в концептуально-парадигмальном смысле – действует принцип синкретизма. С. Н. Бройтманом этот принцип, названный неосинкретизмом, описан на субъектном уровне лирики. Нами же установлено, что неосинкретизм обнаруживает свое действие на всех уровнях рассмотренных в исследовании феноменов – лирики как литературного рода, пейзажа, картины мира – и является их общим основанием. Принцип неосинкретизма свидетельствует о рождении «нового восприятия мира», не отдельных предметов в мире, а всего мира, «всей целостности пространства-времени» (Г. С. Померанц).

Неосинкретизм, пронизывающий все уровни лирического мира, создает все необходимые предпосылки для исследования в неклассической лирике пейзажного дискурса как экспликации картины мира автора. Принцип неосинкретизма позволяет применить заявленную методику для изучения разных в типологическом смысле лирических миров – неотрадиционалистских и неоавангардистских, как правило, противопоставляющихся. Неосинкретизм в эпоху неклассической поэтики выступает своего рода «обратным синкретизмом», возвращающим субъекта к его человеческому началу в единстве с природой. Актуализация в художественном мире реалий природного мира свидетельствует о работе авторского сознания по переводу «языка неба» на «языки земли». Природа становится средством общения поэта с миром, с помощью которого он себя в нем презентует.

Таким образом, пейзажный дискурс лирики конца 1960-х – середины 1980-х гг. фиксирует возобновление интереса к «вечным темам», что наполняет эпоху «семидесятых» концептуальным смыслом – сигнализирующим о начале завершения переходной эпохи в культуре XX века. Именно пейзажная лирика впервые после долгого молчания озвучила эти «темы». Поэты, одни имплицитно, другие явно, выходят на утверждение единства мира посредством экспликации неосинкретической связи человеческого (биологически-духовного) и природного (одухотворенного человеком) миров.

Список использованных источников

1. Баевский В. История русской литературы XX в. М.: Языки славянской культуры, 1999. 404 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Белая Г.А. Литература в зеркале критики: Современные проблемы. М.: Советский писатель, 1986. 365 с.
4. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2001. 320 с.
5. Голубков М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
6. Заярная И.С. Русская поэзия XX столетия в контексте диалога художественных парадигм: типологическая проекция барокко в авангарде и постмодернизме: Дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 2005 426 с.
7. Ильинская Н.И. Русская поэзия рубежей XX века: концептосфера и типология религиозно-поэтического сознания в аспекте культурной преемственности: Дисс. ... докт. филол. наук. Херсон, 2006. 476 с.
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2 т. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.
9. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.

10. Пахарева Т.А. Акмеистические тенденции в русской поэзии последних десятилетий XX – начала XXI вв.: Дисс. ... докт. филол. наук. Симферополь, 2006. 420 с.

11. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. 60 с.

12. Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К.Ю. Рогов. М.–Венеция: О.Г.И., 1998. 304 с.

13. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск: Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1993. 188 с.

14. Социокультурный феномен шестидесятых / сост. В.И. Тюпа, О.И. Федунина. М.: РГГУ, 2008. 235 с.

15. Теория литературы. В 2 т. Т. 1. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

16. Тюпа В.И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998. 115 с.

17. Тюпа В.И. Литература и ментальность. М.: Вест-Консалтинг, 2009. 276 с.

18. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С 41–63. Режим доступа: http://www.chibl.ru/lib/study/KCE/martin_khajdegger_vremja_kartiny_mira.html (дата обращения 16.02.2014).

19. Чудакова М. Сквозь звезды к терниям: Смена литературных циклов // Чудакова М. Избранные работы. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 339–365.

20. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

CONCEPTUALITY OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE 1960TH – THE MIDDLE OF 1980TH YEARS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH

Ostapenko Irina Vladimirovna,

*Doctor of Philology, Professor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: i_ostapenko@mail.ru*

The thesis is devoted to the study of the landscape discourse as an author's explication picture of the world within the Russian lyrics in the late 1960s and mid 1980s. The literary works of A. Tarkovsky, B. Chichibabin, N. Rubtsov, Yu. Kuznetsov, A. Kushner, B. Akhmadulina, V. Sosnory, Ye. Schwartz are analyzed as representative figures of

neotraditionalistic and neoavantgarde development vectors of the Russian poetry in the second half of the XXth century.

Keywords: *lyrics, landscape discourse, picture of the world, subject organization, the space-time continuum, image area, lyrical plot, the principle of neosyncretism.*

References

1. Bayevskiy V. Istoriya russkoy literatury dvatsatogo veka [History of Russian literature of XX century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury [Languages of Slavic culture Publ.], 1999. 404 p.
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.
3. Belaya G.A. Literatura v zerkale kritiki: Sovremennyye problemy [Literature in the mirror of criticism: Modern problems]. Moscow, Sovyetskiy pisatel Publ., 1986. 365 p.
4. Broymtan S.N. Istoricheskaya poetika. Uchebnoe posobie [Historical poetics. Training manual]. Moscow, Russian State humanitarian University Publ., 2001. 320 p.
5. Golubkov M. Russkaya literatura dvatsatogo veka: Posle raskola [Russian literature of the XX century: After the split]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 267 p.
6. Zayarnaya I.S. Russkaya poeziya dvatsatogo stoletiya v kontekste dialoga hudozhestvennykh paradig: tipologicheskaya proekciya barokko v avangarde i postmodernizme. Doct. diss. [Russian poetry of XXth century in the context of the dialogue of artistic paradigms: typological projection of the Baroque avant-garde and postmodernism. Doct. diss.]. Kiev, 2005. 426 p.
7. Ilyinskaya N.I. Russkaya poeziya rubezhey dvatsatogo veka: konceptosfera i tipologiya religiozno-poeticheskogo soznaniya v aspekte kulturnoy preemstvennosti. Doct. diss. [Russian poetry of the twentieth century, frontiers: the sphere of concepts and typology of religious-poetic consciousness in the aspect of cultural continuity. Doct. diss.]. Herson, 2006. 476 p.
8. Leyderman N., Lipoveckiy M. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody. V dvuh tomah [Modern Russian literature: 1950–1990 years. In 2 volumes.]. Moscow, Publishing center “Academiya”, 2003. Vol. 2. 688 p.
9. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta [The analysis of the poetic text] // Lotman Yu.M. O poetah i poezii: Analiz poeticheskogo teksta [About poets and poetry: Analysis of poetical text]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1996. 846 p.
10. Pakhareva T.A. Akmeisticheskie tendencii v russkoy poezii poslednih desyatiletiy dvatsatogo – nachala dvatsat pervogo vekov. Doct. diss. [Akmeistic trends in Russian poetry of the last decades of the XX – beginning of XXI centuries. Doct. diss.]. Simferopol, 2006. 420 p.
11. Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i nacionalnaya kartina mira [Language and national world picture]. Voronezh, 2002. 60 p.
12. Semidesyatye kak predmet istorii russkoy kultury [Seventies as a subject of history of Russian culture] / Ed. K.Yu. Rogov. Moscow–Venice: O.G.I. Publ., 1998. 304 p.
13. Sinelnikova L.N. Liricheskiy syuzhet v yazykovykh karakteristikah [The lyrical theme in linguistic characteristics]. Lugansk, The publishing Department of the regional Department for press, 1993. 188 p.

14. Sociokulturnyi fenomen shestidesyatyh [Sociocultural phenomenon of the sixties] / Ed. V.I. Tyupa, O.I. Fedunina. Moscow, Russian State humanitarian University Publ., 2008. 235 p.

15. Teoriya literatury. V dvuh tomah. [Literary theory. In 2 volumes] / Ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Publishing center "Academiya", 2004. Vol. 1. 512 p.

16. Tyupa V.I. Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoy poezii dvatsatogo veka [Postsymbolism: theoretical essays on Russian poetry of the twentieth century]. Samara, 1998. 115 p.

17. Tyupa V.I. Literatura i mentalnost' [Literature and mentality]. Moscow, West-Consulting Publ., 2009. 276 p.

18. Heidegger M. Vremya i bytie: statyi i vystupleniya [Time and being: articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. Pp. 41–63. Available at: http://www.chibl.ru/lib/study/KCE/martin_khajdegger_vremja_kartiny_mira.html, accessed 16.02.2014.

19. Chudakova M. Skvoz zvezdy k terniyam: Smena literaturnyh ciklov [Through the thorns to the stars: a literary change of cycles] // Chudakova M. Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury [Languages of Slavic culture Publ.], 2001. Vol. 1. Pp. 339–365.

20. Epshtein M. Postmodern v Rossii. Literatura i teoriya [The postmodern in Russia. The literature and theory]. Moscow, Edition of R. Elinin, 2000. 368 p.